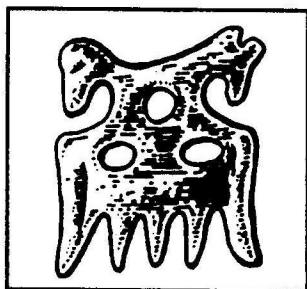


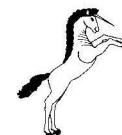
Библиотека
Института славяноведения



Отдел
этнолингвистики и фольклора

Российская академия наук
Институт славяноведения

Пространство и время в языке и культуре



Москва «Индрик» 2011

М. М. ВАЛЕНЦОВА

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО
В НАРОДНОМ ТКАЧЕСТВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И МАГИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕССКОЙ ТРАДИЦИИ)

*Каждая точка Вселенной содержит
в себе информацию о всей Вселенной.*

Категории пространства и времени, ввиду их огромной важности для человека и его понимания мира, продолжают обсуждаться представителями различных наук в стремлении определить суть и место этих понятий в философии, физике, математике, психологии и других отраслях знания.

Точные науки подтверждают и рационально объясняют извечные законы бытия, которые тысячелетиями хранились в сакральных знаниях человечества и отражались в мифологии, магии, обрядах¹. В традиционной народной культуре пространство и время в обычном понимании этих категорий характеризуют лишь человеческий (средний) мир, а в высшем (небесном, божественном) и низшем (подземном, демоническом) они либо не существуют, либо принимают иной вид. Умершие пребывают на «том» свете в том же возрасте, в каком их постигла смерть, у богов и демонов возраст является константной характеристикой. Пространство определяется через время (напр., выражение «в трех днях пути»; или о дальности пути героя: «Три пары железных сапог износил, три железных хлеба изглодал»), а время — через пространство (например, продолжительность человеческой жизни определялась длиной нити, выпряденной мифической пряжкой). Мифологическое пространство (как, согласно теории относительности, и физическое) способно искривляться, отчего герои сказок и легенд легко попадают в «иные» миры, подводное или подземное царство, взбираются по дереву на небо. Мифологическое и обрядовое время может «растягиваться» и «сжиматься», возвращаться вспять и восстанавливать предшествующие обстоятельства, течь неравномерно. При этом человек способен

¹ Разработке различных аспектов категории времени в традиционной народной культуре славян посвящен ряд статей С.М. Толстой, см.: Толстая 2010: 150–206.

трансформировать обрядовое время с помощью сакральных действий, обрядов и магических приемов.

Представления о пространстве и времени присущи любому фрагменту традиционной народной культуры. Не составляет исключения и народное ткачество — совокупность технологических процессов, необходимых для изготовления ткани (прядение, мотание, снование, тканье), а также мифологические, демонологические, мировоззренческие представления и ритуальные практики, связанные с этими процессами².

Категория времени в ткачестве. Для понимания аксиологии обрядового времени важно помнить, что все работы ткаческого цикла протекают в осенне-зимний и ранневесенний периоды года, то есть с окончания уборки урожая до начала весенних полевых работ. Это темное время года при существующей изоморфности годового и суточного времени можно сравнить с сумерками, ночью и рассветом года. При этом в «полночь» года (Рождество и святки) работа прерывалась, так же как и в полночь суточного времени. Запрещалось работать также на «закате» и «восходе» года (осенние поминальные и пасхальные праздники соответственно). Наступление зимы, холодов, вера в особую активность нечистой силы, в возможность возвращения душ предков — все это формировало особую систему представлений, запретов и предписаний, связанных с ткачеством. Этим обусловлена также сильная демонологическая и поминальная составляющая в оценке нарушений таких запретов.

Регламентация ткаческих работ касается не только календарного, но и лунного, недельного и дневного циклов. При этом если за нарушение недельных, суточных и праздничных запретов грозило строгое наказание, то ограничения, касающиеся лунных циклов, носили рекомендательный характер и мотивировались возможностью получения хорошего результата (крепкого, частого полотна, достаточного количества ниток).

С прядением связано наибольшее количество календарных запретов. В Полесье запрещалось пряхать в календарные поминальные дни («деды», «дедовская» неделя), годовые праздники и периоды

² В качестве основного источника материала послужила рукописная картотека и электронная база данных Полесского архива, хранящегося в Институте славяноведения РАН; некоторые данные почерпнуты из статьи Н.Г. Владимирской (Владимирская 1983) и диссертационных сочинений М.Р. Павловой (Павлова 1990) и Е.А. Боряк (Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX — начало XX в.). Киев, 1989).

(святки, Рождество, период от Рождества до Крещения, Пасха, Благовещение, Троица, Русальная неделя), в дни святых Дмитрия (26.10), Параскевы-Пятницы (28.10), Кузьмы и Демьяна (1.11), Михаила (8.11), Екатерины (24.11), Андрея (30.11), Варвары (4.12), Саввы (5.12), Николая (6.12), Анны (9.12), Евдокии (1.03), Егория (23.04), в праздники Сретения (2.02), Сорока мучеников (9.03), а также в первые дни рождественского и Великого поста, на масленой неделе или (в разных селах) только в понедельник, среду, четверг (на *Власа*) или пятницу на масленице; на Крестопоклонной (четвертой) неделе или только в среду на этой неделе; на Похвальной (пятой) неделе или только в субботу на этой неделе (на *Похвалу*); на Вербной (шестой) и Страстной (седьмой) неделях; в пасхальный понедельник или в течение всей пасхальной недели; на Фоминой неделе после Пасхи; на Зеленой (перед Троицей) и на Русальной (следующей за Троицей) неделе³.

В будничное время не пряли в воскресенье и пятницу, реже в понедельник («плохой день») и среду.

Запрещалось прясть в случае, если в доме или в селе был покойник, и до 40 дней после похорон, не пряли на убывающем месяце, ночью и в сумерках («Шара гадзина вродзе как празник. Трэба аддыхнуць, павячэраць, а потым абратна прадуць» — Туховичи, брест.).

Мотивировки запретов связаны с важнейшими областями существования человека. В первую очередь возможные наказания за их неисполнение касались здоровья детей и молодняка скота, физического и психического здоровья хозяйки и членов ее семьи, сохранности работы, будущего урожая льна. Не менее важными были мотивировки этического характера, касающиеся почитания Богородицы, святых мучеников, евангельских событий, а также предков и душ умерших. Некоторые из них связаны с причинением ущерба святым, предкам, праздникам, сакральным предметам или их оскорблением.

Многочисленные мотивировки запретов можно объединить по темам:

— причинение увечий святым (колешь Богородицу, Пятницу, св. Варвару, великомученицу Параскеву; Пятнице рвешь волосы, скручиваешь ей ноги, руки, кривишь глаза, делаешь больно);

— нанесение ущерба предкам («деды» будут путаться в нитках; покойникам в могиле плохо);

— засорение глаз: «дедам», покойнику, Пятнице; Богородицу запылишь;

— пятница — особый день (женский день; молитвенный день; пятница — «татарское воскресенье», «польское воскресенье»; в пят-

ницу прядешь «черту на штаны»; в пятницу свет сновался; Пятница для себя прядет);

— мотивировки, связанные с христианским вероучением (Писание запрещает; грех; в пятницу был распят Иисус Христос; в пятницу вязали веревки — мучить Христа; икона св. Пятницы будет запачкана, заснована паутиной; на иконе изображена св. Пятница, пронзенная веретенами; Мать Божия в пятницу родилась; обидится св. Михаил; Святой Елене пробили ребра 12 веретенами за то, что она пряла в пятницу; из льна делаются фитили для свеч; склонить при прядении — все равно что плевать на Христа).

Большинство же мотивировок раскрывают различные аспекты наказания человека со стороны высших сил и касаются разных сторон жизни. Среди них:

— здоровье приплода и новорожденных (родятся уроды, калеки, с кривыми руками или ногами, скрученной шеей, кривым ртом, обвитые пуповиной, слепые или с зашитым задним проходом; быки и дети будут «слюниться»; на детей нападут «ночницы»; чаще встречается общая мотивировка — ради скота, чтобы не навредить ему, чтобы не болел);

— получение заведомо невыполнимой работы, за невыполнение которой, однако, грозила смерть (Пятница, Варвара, черт, «что-то», Веретеница — набросают 7, 12, 40 веретен, чтобы они были напряжены за одну ночь);

— физические увечья (Пятница будет тыкать веретеном в горло; Пятница облупит кожу; заболеешь; руки будут болеть; отец поранит топором руку; полопаются вены на руках; демон задушит; руки-ноги кривые будут; поранишься; ослепнешь; утонет кто-либо в семье);

— посмертные наказания (веретена будут колоть, лезть в глаза, рот, нос; Пятница будет колоть веретенами; Господь будет колоть веретенами; будет тяжело, когда умрешь);

— преследование со стороны мифологических персонажей (Бог, Коляда, Пятница, св. Варвара, домовая, ночницы, испуг, кудель, веретена, нечто, белый клубок, белый кот, Сатана — будут приходить, пугать, шуметь, преследовать, сниться);

— порча работы (Среда, домовая, Пятница, ночницы, нечистая сила, покойники, ведьма — будут прясть, портить, пачкать кудель; Коляда, Филипп, мухи, волк, птичка, коты — испачкают кудель; кудель будет ходить следом; Анна, Варвара, демон, ночницы — заберут кудель);

— причинение вреда урожаю (лен поляжет на поле; во льне будут сорняки; лен не будет родиться; дети будут голые).

Реже зафиксированы следующие мотивировки: не пряли от Благовещения до Пасхи, чтобы не было града; на масленице (на *Власа*) и в

³ При уточнении дат и названий праздников использовалась монография: Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005.

первый понедельник Великого поста — чтобы черви не заводились в сале, масле, сыре; в масленичный понедельник, в первый понедельник Поста — чтобы гадюка не укусила и собака не заболела бешенством; в пятницу — чтобы овцы хорошо велись.

Нельзя не заметить, что мотивировки запретов содержательно связаны с временем, к которому они относились. Например, если запрет на прядение касался масленицы, то наказание относилось к порче сыра и масла. Нарушение рождественских запретов мотивировалось будущими болезнями и уродствами детей и скота, то есть актуализировалась тема здоровья и благополучия в наступающем году. Пятничные запреты преимущественно соотносились с оскорблением св. Пятницы (Параскевы-Пятницы или тождественной ей Богородицы). На Русальной неделе не ткали из опасения привлечь в дом русалку. Эти и другие примеры подобного рода показывают, что в запретах и их мотивировках отражаются характерные и самые чувствительные темы конкретного периода, праздника, дня.

Снование. Насколько строгим был запрет прясть в пятницу, настолько же строго соблюдался запрет сновать в понедельник и субботу, в дни, когда «свет сновался» (также: «Бог свет сновал», «Адам и Ева зановались», «паук свет сновал» — Павлова 1990: 46), то есть в первый и последний день творения. Снование — изготовление основы для будущего полотна — более других ткаческих работ соотносилось в народном сознании с сотворением мира, упорядочиванием хаоса и созданием порядка как в материальном (особый порядок следования нитей), так и в личностном, социальном и космическом плане. Связь снования с сотворением мира обусловлена наличием общих «культурных сем»: *начало, новый, появление жизни*. Традиционно снование приходилось на период масленицы и первых дней Великого поста, что соответствовало началу нового вегетативного года. Запрет на снование в понедельник и субботу мотивировался также тем, что из сделанной в эти дни основы будет трудно ткать, ткачиха будет часто ошибаться («коней класть»). Из других дней недели сновать запрещалось в среду (иначе останутся лишние нитки при навивании на стан вследствие ошибки при расчетах; много ниток пойдет на основу, потому что Среда себе берет; скот «сноваться» будет), в среду и пятницу (постные дни, ткаться плохо будет) и в воскресенье.

Снование, как правило, должно было быть выполнено за один день. Оставлять готовую основу на стене на ночь строго запрещалось. Нарушение запрета привело бы к «снованию» волков вокруг села (Забродье, волын.), к смерти кого-либо из домашних (Мельники, волын.; Ст. Паперня, чернигов.), рождению немого ребенка (Мельники, волын.), бессоннице домочадцев и даже к наказанию работницы после смерти:

невозможности ее на «том свете» видеть (Ст. Село, ровен.) и др. (Владимирская 1983: 226–227).

Праздничные календарные запреты на снование относились к Сретению, масленице (ради скота), среде на Крестопоклонной неделе или ко всей этой неделе (будет плохая работа), Похвальной (пятой) неделе Великого поста или субботе на этой неделе (с мотивировкой: «Похвалишься выткать, не похвалишься сносить рубаху»); празднику Сорока святых; Евдокии (1.03), Благовещенской неделе (тучи будут сноваться, а дождя не будет), Юрию (23.04) (ради скота), к Страстной пятнице, Русальной неделе (русалки нитки перепутают), а также к поминальным праздникам (запутаешь дорогу дедам) и к вечернему и ночному времени (черти будут бегать, сновать). Из других сроков не сновали на Зачатие Анны (9.12), чтобы волки не сновали вокруг села, и вообще в праздники, иначе «заснуешь Богу глаза повивальником» (Кишин, житомир).

Некоторые мотивировки ассоциативно связаны со способом снования: упорядоченное натягивание нитей на стене между пятью-шестью парами колышков ассоциировалось с преградой, созданием препятствия (для дождя, душ умерших, возвращающихся на землю), а многократное хождение от одного конца стены до другого — с хождением, снованием вокруг села волков, во дворе — скота, в доме — с мельтешением насекомых.

Для снования, в отличие, например, от прядения, релевантным становится лунное время. Во многих селах Полесья не рекомендовалось сновать на молодом и стареющем месяце (нитки будут «молодые» [т. е. слабые]), будут слипаться; много ниток пойдет на основу, «як опадае, миньшае мясяц, то нэ хватае ниток сновать» — Чудель, ровен.). Для этого следовало предпочитать время перед полнолунием.

Тканье. Запреты на тканье в основном совпадают с запретами на прядение, но их значительно меньше: запрещалось ткать в поминальные дни («деды») и в поминальные субботы («покойнику вочы заснуеш» — Гортоль, брест.), в первый понедельник после Пасхи; в годовые праздники; на св. Михаила (8.11), в первый день рождественского и Великого постов, на Сретение; на масленице; на Крестопоклонной неделе или только в среду на этой неделе; в субботу на Похвальной (пятой) неделе Великого поста; на *Андрево постоянье* (канон Андрея Критского на IV неделе Великого поста); на Евдокию (1.03), Сорок святых (9.03, в случае, если не наткала 40 локтей полотна); на Алексея Теплого (17.03), Благовещение (25.03) и следующий за ним день — *Благовестник* (26.03), на Юрия (23.04), на Фоминой неделе после Пасхи; на Русальной неделе и после нее. Также не ткали в воскресенье, иногда и в пятницу. Отдельно регламентировалось начало тканья, так называемое «затыка-

ние»: нельзя было навивать кросна в понедельник, потому что в этот день «свет сновался».

Помимо общих с прядением мотивировок запретов, включающих наказание, связанное с болезнью и уродствами скота и детей, болезнью и смертью, «пуганием» мифологических персонажей и персонифицированных праздников, наказание опасностью «засновать глаза покойникам», сделать ошибки при работе, порчей молочных продуктов — появляются новые темы: угроза безбрачия для девушек и природных катаклизмов (засухи, вихря, грозы, грома) для всего социума.

Тема брака появляется в связи с соотношением в народном сознании тканья полотна и создания жизненного пути. Полотно при этом часто символически означает дорогу. Когда повитуха перерезала пуповину родившегося ребенка на полотне, говорили, что она «дарогу стлала рибенку ў путь» (В. Вель, чернигов.). Полотном выстилали дорогу новобрачным: кладя в гроб умершему белое полотно, говорили, что «это его дорога будет» (Присно, гомел.). Та же символика отмечается в обрядах жизненного цикла и в других славянских традициях (см.: СД 2009: 150–153).

Каждый этап ткачества имеет свою мифо-ритуальную специфику: прядение символически соотносится с созданием жизни (выпрядаемая нить ассоциировалась с жизнью на основе общности их характеристик: линейность, конечность, различное качество), снование — создание основы жизненного пути, упорядочение, внесение гармонии в жизнь личности, социума и универсума; тканья — создание самого жизненного пути, переплетение событиями, пересечением судеб, наполнение его содержанием, «узором». В Полесье полагали, что если снится, что снуешь или ткешь, — дорога будет (Вознич, житомир.)

Вместе с тем, при всех различиях между отдельными этапами ткаческих работ всех их объединяют **универсальные принципы трактовки и обращения с временем**. Это, во-первых, антропоморфизация праздников и дней недели как «один из механизмов мифологизации времени» (Толстая 2010: 187). Одной из наиболее частотных мотивировок запретов является исходящая от праздников и дней угроза наказания, начиная с пугания, порчи работы и до болезни и смерти. Вторым общим моментом является отсутствие границ между прошедшим, настоящим и будущим временем. Время рассматривается как единая нить, вервь (ср. этимологию слова *время* < **vertmen-*, родственное 'вертеть, крутить'), по которой можно передвигаться в обоих направлениях. Поэтому при нарушении запрета грех в настоящем мог обернуться наказанием в будущем (родится неполноценное и большое потомство; будет неблагоприятным существование виновного на «том» свете), а также нарушением сложившегося порядка и связей с прошлым (созда-

ние препятствий для душ предков, которые не смогут пересечь границу между мирами).

Одним из магических приемов обращения со временем при ткаческих работах является возвращение времени вспять, отыгрывание времени назад (вопреки его необратимости и одномерности). Так, если вследствие сглаза у ткачихи не удавалась работа, она распускала по одной нитке на кроснах (Бочечки, сумск.), возвращая тем самым предшествующее состояние, когда ткалось хорошо. (Таким же образом Пенелопа возвращала время вспять, дожидаясь Одиссея.) Опасаясь оставлять на стене готовую основу и при этом не успевая ее убрать, предпочитали снять несколько последних навитых пасм, возвращая работу в состояние неоконченности — «штоб нэ поўна» была (Мельники, волын. — Владимирская 1983: 227). В с. Гортоль Брестской обл. рассказывали, что когда женщина мотала нитки в период между Рождеством и Крещением, родившийся теленок не смог встать на ноги, пока хозяйка не перемотала все нитки заново, причем левой рукой. В этом случае нарушение запрета устранялось путем возвращения времени на момент, предшествующий нарушению запрета.

В крестьянской деятельности каждой работе отводилось свое время, а нарушение установленного порядка в социуме приводило к нарушению космического порядка (идея «все связано со всем»), на которое природа «отвечала» стихийными бедствиями. Например, верили, что если ткать летом, в неположенное время, то как ткачиха стучит билом с бердом, так же будет бить гром. Оставшаяся «святковать» на Пасху или Благовещение основа служила причиной пожара. Такая основа односельчанами публично распускалась (Забродье, волын. — Владимирская 1983: 244). Не выпряденный до весны лен или не вытканная до Пасхи основа, оставшиеся на лето, могли вызвать засуху. В таком случае искали тот дом, где были «просроченные» вещи, и сжигали их (Замошье, гомел.; Смоляны, брест.). Таким образом, устраняя предмет, ошибочно оказавшийся в некоем локусе не в свое время, избегали и наказания за нарушение запрета. В связи с угрозой засухи, вызванной оставленной на лето основой, запрещали сновать на Похвальной неделе (пятой неделе Великого поста), однако запрет снимался, если хозяйка успевала и основать, и выткать полотно (Выступовичи, житомир.).

Время в ткачестве само играет роль оберега. Различные мифологические персонажи — русалки, домовые, кикимора, ночницы, Варвара, Пятница — любили, согласно поверьям, заниматься прядением и тканьем, но больше пачкали и портили работу. Чтобы защититься от них, нужно было соблюдать запреты на работу в определенные дни и часы; полагалось на это время убирать станок и прятать прялку или накрывать рукоделие полотном. В качестве оберега и ради успеха в ра-

боте произносили формулу-молитву, обеспечивающую благоприятное время: «Дай Божэ в добрый час начаты». Кроме того, выбор «правильного», «подходящего» времени считался пассивным способом противодействия сглазу: если у ткачихи после посещения соседки не спорилась работа, она просто выходила из-за ткацкого стана, оставляя работу до «доброего часа». В одной быличке рассказывалось, как женщина сновала в «плохой» день и использовала все нитки, предназначенные и для основы, и для утка. Хотя нитки были рассчитаны и ею, и дочками, и хозяином. По совету мудрого мужа она оставила «переночевать» неудачную основу, а на следующий, «добрый» день, сматала все нитки обратно в клубки и снова все основала, причем у нее хватило ниток и на основу, и осталось еще на уток (Рясно, житомир.).

Хорошо описан магический прием «компрессии» времени, известный в разных сферах традиционной культуры, а в народном ткачестве представленный тканьем «обыденных» предметов (пояса, полотенца, полотна и сшитой из него рубахи) (см.: Зеленин 1994: 193–213; Толстая 2010: 173–176; СД 2004: 487–489). В основе обряда лежало требование изготовить всем миром из сырья, собранного со всего села, за один день или одну ночь холст (полотенце), начиная с прядения (иногда с мятья и трепания) и заканчивая тканьем или шитьем, если речь шла о рубахе. Предмет получал магическую силу благодаря исполнению полного цикла работ за предельно сжатый срок, из-за чего в нем реализовывалась не только спрессованность времени, но и спрессованность действий и устремлений большого количества людей. После совершения с этим предметом определенных ритуальных действий (обношение вокруг села, вывешивание на крест, дарение в храм, прогон под ним стада скота) его в некоторых случаях сжигали вместе с инструментами, с помощью которых он был изготовлен. При исчезновении из окружающего мира ритуального предмета время, заключенное в нем, как сжатая пружина, распрямлялось и «переносилось» через несчастья — мор, чуму, засуху, вновь возвращаясь к своему нормальному течению.

В Полесье традиция ткать «обыденники» была жива еще во время Великой Отечественной войны, а после нее сохранилась в качестве оброка, тканья по обету ради какого-либо важного для человека события. Известны многочисленные записи о вытыкании за один день полотенец ради того, чтобы кончилась война, чтобы угнанные жители вернулись из плена, чтобы остались живы мужья на фронте: «То у нас як була война, то люды обрыкалис, оброки такы давалы. Мушчыны крест роблять, жэншчыны этые полотно роблять, за одну ноч спрасты ёго, и заткаты, и повэсыты на хрэст» (Нобель, ровен.); «Як немцы были, каб воны людей не побили, за ноч пряли лён и обстилали тыми нитками всю дерыўню» (Оброво, брест.).

Время является одним из важнейших факторов создания магических и лечебных предметов. Для этого выбирался запретный для обычного прядения и тканья день: в Чистый четверг пряли «четверговую нить», которой обвязывали руку, чтобы она не болела во время жатвы; в пятницу и в рождественские праздники пряли нити для рыболовных сетей («пралы тольки на ўоду»), чтобы в них рыба лучше ловилась; с той же целью выпрядали нить на Пасху и клали ее на всюнощной под порог церкви; специально выпряденными в канун Рождества нитками выводили бородавки; нить для лечения детского испуга пряли в пятницу, среду или четверг; нитью, спряденной на Ивана Купалу, перетягивали дорогу, чтобы узнать, кто в селе ведьма (ведьмина корова не могла переступить через эту нить). Чаще всего такие нити пряли рано утром, до восхода солнца.

Магические предметы изготавливались с умышленным нарушением не только временных, но и пространственных запретов: их пряли, сидя на границе дома (на пороге) или двора (в воротах), на улице («собирались бабы — на ўулицы прасти, и на ўулицы сноўали и на ўулицы ткали. Штоб сыны с войны вернулись» — Стодоличи, гомел.). Так же на пороге пряли, а в воротах ткали оброки в случае засухи («Як дашчу нема, садыца на парозе и прэдуть. Прэдуть де хочеш, а ткуть на варотах»; «На вулице на бранах [на воротах] кросна выткать за один день, и выпрасть, и выткать, шоб дошч пашоў» — Малые Автюки, гомел.). Менялись на противоположные и другие условия работы: нити пряли, раздевшись донага, левой рукой, крутили веретено в обратную сторону («наотмашь»).

В других случаях нарушение временных запретов при ткачестве было возможно, если пряли не для себя. Например, в день Евдокии (1.03) можно было прясть для сирот или для тех, у кого не было ниток на уток, — тогда собиралась «толока» и пряли весь день и всю ночь (Пирки, гомел.).

Взаимосвязь времени и пространства прослеживается и в других фрагментах ткачества. Наиболее очевидна она в случае нарушения границ человеческого («своего») пространства мифологическими («чужими») персонажами при несоблюдении ткачихой и пряхой правил работы и, в частности, временных запретов. Так, нечистая сила (и приравняемые к ней другие персонажи) появляется в доме, пугает, шумит, портит кудель, путает нитки, насылает болезнь и слепоту — если нарушены запреты на работу в определенные дни недели, время суток, календарные праздники. Проникновение «чужих» в жилище происходит через традиционные места сообщения дома с внешним миром: окно, печную трубу. Именно так Варвара или Пятница бросали пряхам, засидевшимся до ночи, корзинку пустых веретен, чтобы они были на-

прядены за одну ночь: «Седила, пряла. Круз тое окно кинули веретёна (Бельск, брест.); «Казали, што нельзя прасти, бо прийде П'ятница да накидае верецюна через комин у хату» (Стодоличи, гомел.); «Протыў пятницы я допрядала, и стало мэнэ лякать пуд окном» (Журба, житомир.); «На Тэпли Лэксий баба да ткала кросна. Да пришоў якись чиловик ў окно: „Покинь ткать, бо вэлико свато“» (Чудель, ровен.) и др.

В мотивировках некоторых временных запретов использовалась пространственная категория длины, протяженности: боялись, что ниток будет мало, их не хватит для тканья, что нить будет короткой. Нарушением запрета и работой в неурочное время объясняли также появление излишка основы, который приходилось отрезать. Чаще всего подобные запреты относились к среде и пятнице, реже — к понедельнику. Согласно поверьям, у Среды и Пятницы много дочерей, поэтому они «берут» много пряжи: «П'ятница мала богацько дочок, на их трэба прасти, жинка то П'ятница, вельмо богацько мать [иметь] подарков [надо]» (Червона Волока, житомир.; то же: Кишин, житомир.); «Сэрэдá крадэ, на дóчки крадэ, дóчкам крадэ» (Хоромск, брест.); «У пониділок нэ будэ спóру, бэрэ на дóчки» (Хотишов., волын. — Владимирская 1983: 229).

Судя по всему, в основе персонификации дней недели в образе матерей, у которых много дочек, лежат реальные наблюдения: селянка, у которой много дочерей, работала и в среду, и в пятницу, чтобы напрядь и наткать всем дочерям на свадебные подарки. Это стремление больше сделать, энергия, прилагавшаяся женщиной для обеспечения своих детей, вызывали опасение у других членов коллектива, что она «отберет» часть благ для себя. Например, в с. Червона Волока Житомирской обл. обычную формулу от сглаза («Соль тоби в очи, а заслонка ў плечи, а моим кроснам не вурочить») произносили вслед пришедшей соседке, у которой много дочерей, потому что верили, что после ее прихода у работающего будет большой расход нитей на уток. Если у ткачихи после окончания тканья оставалась «лишняя» основа, говорили, что это Пятница и Среда забрали для своих дочерей, то есть работа в запретные дни не пошла ей впрок (Каменное, ровен. — Владимирская 1983: 241).

В рассматриваемом сюжете об «отбирании» ниток для дочерей можно также видеть отражение представления о справедливом, божьем распределении благ: кому нужно больше полотна (в данном случае, на приданое девушкам), тому больше и дается. Но интересно отметить, что запрет на работу (в духе архетипического мировоззрения) оказывается более сильным и авторитетным, чем понятие «справедливого» распределения. В данном случае запрет подкрепляется иерархически более высокой справедливостью: Пятница и Среда тоже нуждаются в пряже для своих дочерей.

Как и в ряде других случаев, один и тот же мотив (в данном случае — большое количество дочерей) может интерпретироваться и прямо противоположным образом: в той же Червонной Волоке считали, что поскольку у Среды много дочерей, то начинать прядь и ткать в среду благоприятно — много сделаешь. Запрет на работу в неположенное время преодолевался также с помощью жертвования: если необходимо было сновать в субботу, то отрезали часть нитки и говорили: «То на суботыни дочки, шчоб добрэ ткалосе» (Грабовка, волын.).

В процессе тканья самыми значимыми моментами были начало (затыкание) и конец работы (дотыкание). Они отграничивали процесс тканья, выделяя его, в том числе и пространственно. При сновании, навивании и тканье присутствие посторонних вообще не приветствовалось, а иногда и запрещалось — во время работы запирали двери изнутри. Если же нежеланный гость все же приходил, когда хозяйка начинала тканье, то его не выпускали из дому до тех пор, пока не окончится затыкание, то есть не закроется полотном передний навои (Великий Бор, гомел.). Таким образом, нарушение «своего» пространства чужим человеком компенсировалось удлинением его визита, во время которого он становился условно «своим», а значит, уже не мог испортить или сглазить работу.

Аналогично запрет на посещение дома во время снования объяснялся боязнью порчи, при этом порчу можно было навести сознательно или неосознанно сглазить словом («на вымов плохой») или мыслью («подумом») (Хоромск, брест. — Владимирская 1983: 239). В некоторых селах, наоборот, женщины специально следили за тем, кто и когда спует, и приходили в такой дом, считая, что приносят удачу, «спор». Но и в этом случае им нельзя было уйти раньше того момента, когда хозяйка проведет нитки хотя бы раз по всем колышкам — чтобы не унести «спора» (Хотишов, волын.). При этом положительное воздействие посещения эксплицировалось формулами типа: «Я хўтко бигла, штоб тоби хўтко основáти» (Забродье, волын.) (Владимирская 1983: 240).

Навитую на стан основу полагалось успеть заткать, то есть начать ткать, до захода солнца. Если хозяйка не успевала этого сделать, то ей следовало оставить навивание неоконченным — не продевать в бердо несколько последних нитей.

Окончив тканье, запрещалось трогать станок до конца дня. Разбирать его, выносить на чердак, отдавать взятые займы детали (бердо, ниты) можно было только на следующий день. Это правило действовало и при сновании в чужом доме: основу полагалось оставить там на ночь, а забирать можно было только на следующий день. При этом считалось, что в доме, где работали, надо обязательно что-нибудь оставить, нитки или что-нибудь другое (Вознич, житомир.).

Любые перемещения ткацкого инвентаря вне дома были тесно связаны с дневным циклом. Повсеместно запрещалось передавать орудия в другой дом после захода солнца. Нарушение наказывалось болезнями потомства («будут рябые дети»), слепотой (Махновичи, гомел.), неудачей в работе (Клышки, сумск.). Закат солнца знаменовал наступление сумерек и ночного времени, опасного активностью нечистой силы, которая могла повредить работе через инструменты. При передаче инструмент полагалось обвязать нитями или завернуть в полотно, поскольку обнаженность, непокрытость прочно связывалась в народных представлениях с бедностью и неурожаем. «Голой» инвентарь мог магически повлечь недостаток или отсутствие полотна. Не передавали ткацкий инвентарь также в праздники и в воскресенье.

Строгие предписания регламентировали перемещение основы в пределах деревни: если она сновалась в чужом доме, запрещалось уносить ее в день окончания работы, чтобы не повредить хозяйскому скоту или пчелам. Строго соблюдался запрет переносить основу из дома в дом после захода солнца, и особенно — выносить ее за пределы села. Говорили, что от этого волки будут «сновать» около жилья (Рубель, брест.). Иногда основу вообще не разрешалось выносить из села — передавали лишь предназначенную для основы пряжу (Сварицевичи, ровен.) (Владимирская 1983: 235).

В мифологическом сознании ткачество представляется универсальной моделью создания жизни как в космическом, так и в личном плане. **Соотношение этапов ткачества с жизнью человека**, его здоровьем и т. д. выражается в обрядах, поверьях, запретах, рекомендациях. Уже сама уверенность в том, что при тканье и сновании нельзя сердиться, чтобы нитки получились хорошими (Замошье, гомел.), свидетельствует о глубокой, «материальной» связи человека и полотна. Тот же смысл отражают и другие мотивировки, например: запрет сновать во время месячных объяснялся тем, что ткань, вытканная из такой основы, будет непрочной и «несчастливой»; не выносили из дома кросна в тот день, когда закончили тканье, из опасения, что месячные у ткачихи будут приходиться на большие (*годовые*) праздники (Олтуш, брест.) (Владимирская 1983: 237).

Многочисленны обрядовые и терминологические схождения, отождествляющие лен и пряжу с волосами. После прядения кудели на прялке оставался недопрядок, который называли *колтун* (также *колтун* — «спутанные волосы, вид недуга»), *бородка* («Баротку гэту пакидаям, каб каўтун ни завиваўся на валасах» — Туховичи, брест.). Верили, что при сглазе нитки на кроснах становятся такими же спутанными, как волосы на голове (Заболотье, брест.). Когда снимали со стены основу и сплетали ее в косу, полагалось сесть на нее, чтобы косы были

хорошими (Задворяны, брест.). При окончании тканья и срезании полотна со станка все женщины покрывали голову платками, иначе, говорили, волосы не будут расти, будут сечься, или мать пугала дочерей, что, срезая полотно, отрежет им косы (Боровое, ровен.; Олтуш, брест., и др. села).

Ткаческие операции, по полесским верованиям, влияют на основные этапы жизни человека, от рождения до смерти. Отметим еще раз, что именно мифологическое творение (создание-тканье полотна, символически обозначающее человеческую жизнь), обуславливает реальное существование личности и коллектива.

Рождение. Из всех работ ткацкого цикла более всего соотносится с жизненными событиями человека *тканье*. Основная символика вытыкания полотна — соиздание жизненного пути человека, в связи с чем правила требовали сразу же начать ткать навитую на кросна основу (как родившийся ребенок должен сразу же начать дышать, жить). Оставлять передний навои «голым», то есть не наткать на него сразу нового полотна, значит сделать жизнь будущего ребенка «голой», то есть бедной (Червона Волока, житомир.). Поскольку на незатканном навои были видны узлы, которыми привязывалась на вал основа, опасались, что ребенок умрет плохой смертью — повесится (Дяковичи, гомел.). Снование как подготовка основы для тканья логично соотносилось с беременностью: так, запрет сновать в субботу относился только к женщинам в фертильном возрасте (Дубровица, гомел.) или даже исключительно к беременным женщинам (Хойники, гомел.) (Владимирская 1983: 228).

Брак, свадьба. Символика прядения как создания «новой» судьбы в новой семье, возрастания, прибывания нашла отражение в свадебном обряде. Когда ехали к молодой, дружки и приданцы символически пряли кудель; а когда ехали к жениху с приданым невесты, крестная мать изображала прядение, сидя на сундуке (Грабовка, волын.). Настоящее же прядение было запрещено после свадьбы в течение целой недели (Макишин, чернигов.), возможно, чтобы не помешать зачатию новой жизни.

С мотивом брака связано правило допрядать кудель перед праздниками. Если девушка оставит кудель на гребне на Рождество, то, говорили, пойдет замуж за старого, за деда с бородой (Грабовка, волын.; Деревцы, житомир.; Мокраны, брест.).

Одним из символических значений снования было притягивание, связывание девушки и парня для будущей женитьбы. Чтобы привлечь женихов, девушки в Сборную субботу на первой неделе Великого поста сновали на улице и запутывали дорогу пряжей, чтобы «присновать» к себе женихов (Олбин, чернигов. — Павлова 1990: 52).

Собственно ткань, а именно образование зева и прокидывание в него челнока — символизировало коитус (ср. в загадке о ткацком станке: «Пупом пне, ногамы прэ, где раззявицэ, там и ткнэ» — Нобель, ровен.), а также брак: «Штаны озле краснов увязывали, шоб сваты у хату да деўки пришли» (Доброводье, брян.). Угрозой безбрачия мотивировался для девушек запрет ткать по воскресеньям и праздникам (Велута, Полесское, житомир.). Неоднократно упоминавшееся выше требование сразу после навивания начать ткать, пока не закроешь полотном передний навой и не освободишь цепок (пруток, разделявший нити зева), мотивировалось тем, что если оставить цепок, то есть зев, открытым и «заночевать на нем», то «будешь ночевать с цыганом» (Золотуха, гомел.), будешь спать с нищими (Велута, брест.). В связи с этим становится понятно, почему покрывание нововытканным полотном переднего навоя (пришвы) называется «оженить пришву» (Доброводье, брян.), фразеологизм, отсылающий к свадебному обряду «завивания невесты» после первой брачной ночи.

По окончании тканья, когда выпадал дотыкальный пруток, девушка выбегала с ним на улицу и гадала: если увидит мужчину, ее ожидало замужество в этом же году (М. Автюки, Золотуха, гомел.); кого она первым увидит, за того и замуж пойдет (Николаево, брест.); с какой стороны увидит мужчину, в ту сторону выйдет замуж (Оброво, брест.). В данном случае окончание тканья символизировало окончание девичества.

Смерть и загробная жизнь. Во время похорон и сразу после смерти человека прядение как символическое создание жизни обычно было запрещено: не пряли, если в селе кто-то умер (Ковчин, чернигов.), в течение шести недель после похорон (Макишин, чернигов.), пока душа еще находится «в пути»: «Кали пакойник у хате, не можна прасть, и у поминки, только через 40 дней» (В. Бор, гомел.). Иногда трепаный лен заплетали покойнице в волосы (Рясно, житомир.). В других селах не пряли и не сновали в течение 12 дней после похорон, опасаясь, что «покойник будет за собой таскать пряжу» (Кишин, житомир.).

Запрет оставлять основу на стене на ночь мотивировался посмертным наказанием ткачихи: «На тым све́те не будэшь ба́чить, будучи крósна за не́ю волочи́цца» (Ст. Село, ровен.); верили, что сколько основа висела на стене, столько работница будет лежать мертвой необмытая (Ст. Яриловичи, чернигов.) (Владимирская 1983: 227).

В Полесье зафиксированы как рекомендации трижды переступить через готовую основу (чтобы она не боялась сглаза — Ручаевка, гомел.), так и запрет это делать, мотивированный тем, что человек, который будет носить одежду из этого полотна, умрет (Боровое, ровен.). Запрет переступать через основу, возможно, связан с представлениями

о ней как об основе жизни. Типологически сходным оказывается запрет переступить через ребенка — иначе он не будет расти (укр., полес.).

Тканье относилось к тем делам, которые необходимо было завершить при жизни, чтобы после смерти душа могла упокоиться. По верованиям полешуков, оставшееся недотканным полотно приводит к тому, что работница запутается в основе на «том» свете (Барбаров, гомел.), должна будет закончить свою работу на «том» свете. Поэтому родственницы умершей старались доткать начатые ею кросна (Золотуха, гомел.). Надолго (на лето, на праздники) старались не оставлять основу — иначе если бы ткачиха умерла, не доткав, ей бы пришлось на «том» свете таскать за собой основу (Выступовичи, Кишин, житомир.).

Окончание тканья ассоциировалось со смертью. Широко распространено убеждение, что нельзя заканчивать тканье на ночь, иначе будешь умирать в ночь. Обязательно следовало доткать кросна, если уже выпал «дотыкальный» пруток, иначе будешь долго умирать, а когда умрешь, будешь лежать с открытым ртом (Николаево) или будешь целую ночь лежать на лавке неприбранный (Тхорин, житомир.).

Соотношение окончания тканья и смерти распространялось и на чужого человека, пришедшего в этот момент в дом. В таком случае говорили, что у вошедшего век короткий, он скоро умрет: «Смерть твоя на стыкальне» (Присно, гомел.). Считалось необходимым дать пришедшему кусок полотна, хотя бы на сорочку или на постель (М. Автюки, гомел.), что отсылает в похоронному обряду, в рамках которого данные вещи становятся смертной сорочкой и саваном. По той же причине при вынимании из кросен полотна никого не пускали в дом. Верили, что если при этом будут присутствовать дети, на них нападет «сухота» — болезнь, приводящая к смерти (Тхорин, житомир.).

«Остатки», или *страпки*, могут выполнять функцию оберега, которая, в частности, прослеживается в обычае брать их с собой, когда кто-то идет в армию или уезжает надолго, — чтобы вернуться домой живым (Курчица, житомир.).

Роды. В ряде случаев процесс вытыкания полотна ассоциировался с внутриутробной жизнью младенца. В этом случае навивание на стан основы мифологически отождествляется с зачатием, а отрезание готовой ткани — с рождением ребенка. Приведем несколько примеров. Неоконченная и оставленная на ночь основа считалась опасной для будущего ребенка: он мог родиться закрученным пуповиной и задохнуться. Требование немедленно начать ткать навитую основу основывалось на параллелизме между тканьем и развитием новой жизни, которая символически материализовалась в полотне. Беременной женщине запрещалось ткать, иначе «задохнется будет дитя» (Рясно, житомир.), что

можно объяснить невозможностью одновременного создания жизни в реальном (ребенок) и мифологическом (полотно) плане.

В этом же ключе надо рассматривать поверье о том, что когда выпадает дотыкальный пруток, «в селе кто-то родился» (Возничи, житомир.), которое находит логическое продолжение в практике обвязывать роженицу при трудных родах концами основы, оставшимися после обрезания готового полотна (Нобель, ровен.), в пролезании роженицы под кроснами для облегчения родов (Олтуш, брест.).

«Концы», то есть остатки основы, привязанной на заднем навое, шли также на изготовление плетеной сумки (*трапкача*), в которой носили кашу и борщ на крестины новорожденного. В «трапкаче» носили борщ для повивальной бабки (Великий Бор, гомел.), а когда она умирала, клали ей в гроб «бабын ручнык», также сделанный из последнего полотна, «концы» которого сплетали в виде косы, — «шоб там, на тум свиты, тожэ ходыла за бабу» (Чудель, ровен.).

Символическая связь окончания тканья с рождением ребенка прослеживается в гадании: когда беременная женщина кончает ткать, замечали, кто придет в дом: если мужчина — родится мальчик, если женщина — девочка. Другой способ гадания о поле будущего новорожденного основывался на том, кого — мужчину или женщину — беременная увидит, выйдя на улицу с дотыкальным прутком (Радеж, брест.). Если с прутком выбегали дети, то наиболее распространенной темой гадания был пол будущего ребенка (если в доме была беременная) или будущего приплода скота.

Таким образом, в ткаческом цикле обнаруживается параллелизм между рождением и смертью, которые кодируются одним и тем же этапом тканья — дотыканием, что дает право говорить об отразившейся в ткаческих поверьях философии бессмертия, или круговорота между «этим» и «тем» светом: процесс тканья кросен кодирует переход бессмертной души от небытия к воплощению (от зачатия до рождения), и переход от воплощенного бытия к небытию (от рождения до смерти).

В рамках этой концепции обычай демонстрировать первую выпряденную девочкой нитку птицам можно трактовать как оповещение душ (птицы, согласно славянским верованиям, являются воплощением душ умерших) о том, что скоро из спряденных нитей будет ткаться полотно (символическое рождение), а девочка скоро станет невестой, а потом матерью (реальное рождение). В этих случаях свою первую нить (или первый клубок) девочки не сжигали в печи, а лишь демонстрировали в «чужом» пространстве: клубки клали на забор — чтобы птичка «опела»; выносили весной на улицу: «Як наѣш клубочок, то як прылетить пташка и буде петь, то вынеси и ей покажы, шчо ты наробыла» (Велута, брест.).

Отдаленная связь между пряжей и душами умерших сохранилась также в западнославянских поверьях о том, что пожертвованные в костел кудели льна или конопля спасут грешные души, которые, ухватившись за волокна, выйдут из чистилища.

Пространственный код ткачества представлен не столь многообразно, как временной, в связи с тем, что ткачество являлось сугубо домашним занятием, выполняемым в «своем» пространстве. Вместе с тем место прядения или тканья было релевантно при создании магических предметов. Такие предметы получали магическую силу в результате нарушения не только временных, но и пространственных предписаний: их готовили в «чужом» или на границе «своего» и «чужого» пространства: на пороге, во дворе, на улице, о чем было сказано выше. К пространственным нарушениям можно отнести и нарушение направления действия, например, прядение в обратную сторону, то есть кручение веретена налево, «против солнца», характерное для изготовления магических нитей. При других обстоятельствах такой способ прядения мог привести к потере памяти: «будешь забуваца» (Рясно, житомир.).

Из локусов внутри избы одним из сакральных и очищающих мест была печь, поэтому туда клали на время праздников и на воскресенье прялку и веретена (Олтуш, брест., Ручаевка, гомел.). На печь же залезала сама хозяйка, если работа у нее не спорилась из-за сглаза, и читала молитву (Верхние Жары, гомел.). Другое место, где можно было защитить ткацкий инструмент от сглаза и нечистой силы, — красный угол с иконами. Если необходимо было прясть ночью, то садились работать в красный угол. На Русальной неделе и после нее прятали за икону навой, чтобы русалки на кроснах не работали (Копачи, киев.).

Границы внутреннего пространства дома покидали при гадании с дотыкальным прутком (как и вообще при гаданиях, где используются пограничные состояния и положения): выбегали с прутком на улицу, обегали трижды вокруг дома. Обегание или обход вокруг дома использовались также для обеспечения успешной работы в следующем сезоне, а также для снятия сглаза, из-за которого не спорилась работа (Николаево, брест.).

Пространственные перемещения ткацкого инвентаря характеризовали окончание работ или их приостановку на праздники. Так, прялку выносили во двор в четверг вечером (перед пятницей), в субботу вечером (перед воскресеньем), весь прядильный инструмент убирали на несколько дней с глаз долой перед Рождеством и Пасхой, иначе, говорили, веретена превратятся в ужей, летом будешь встречать ужей; нечистая сила будет ими работать, шуметь. Мычки (кудели), клубки ниток прятали перед Новым годом, перед Рождеством — чтобы их «коляда не видела», чтобы летом не встречать в лесу змей. Прялку могли также

«прятать» под лавку. Ткацкий стан выносили в сени, на чердак. Главной целью перемещений было изменить обычное рабочее положение инструмента и скрыть его от взора, чтобы нечистая сила не испортила работы, ведьма не спутала ниток, работу не сглазили и т. п.

Пространственные запреты касались также обращения с ткацким станом. Повсеместно запрещалось проходить под кроснами, особенно детям (Велута, брест.), а если и пролезали под ними, то только с магической целью (роженица при трудных родах). После окончания тканья кросна выносили во двор и оставляли там на ночь (Грабовка, волын.). На лето стан разбирали и относили на чердак, иногда выносили кросна даже с недотканным полотном (Олтуш, брест., Ручаевка, гомел.).

Временные характеристики ткачества отражены в терминологии, которая фиксировала маркированные признаки, значимые с ритуальной и мифологической точек зрения. В качестве примера приведем лишь некоторые: об оставленных на лето основе или льне, явившихся причиной засухи, говорили, что они *залётовали* (Барбаров, Ручаевка, гомел.); о неспряденной к Рождеству кудели — что она *заколядовала* («стараяца спрасти куделю — штоб не заколядовала» — Замосье, гомел.). Магическое прядение нити во время Рождества для успешной рыбной ловли называлось *прясть на рыбу* (Радутино, брян., Любязь, волын.), в пятницу — *прясть на воду* (Копачи, киев.). Раздвоенная нить, которая получалась в результате нарушения запрета прясть в понедельник, называлась *недилошна* и *понедилошна* (Червона Волока, житомир.) и т. д.

Принятые сокращения

Владимирская 1983 — *Владимирская Н.Г.* Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством. Снование // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983. С. 225–246.

Зеленин 1994 — *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.

Павлова 1990 — *Павлова М.Р.* Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне. Канд. дисс. М., 1990.

СД 2004 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.*

СД 2009 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.*

Толстая 2010 — *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.